

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯДРО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

БОРИСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет»,
г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: bna@vgasu.vrn.ru

В настоящей статье рассмотрены проблемы социальной модернизации в контексте глобальных социально-экономических изменений. Из анализа содержания социальной модернизации в рамках развития общества модерна, а также характера современных социально-экономических тенденций, как в социальной сфере экономики, так и в более широком контексте преобразования социально-экономической системы капитализма, следует единственно верный, по мнению автора, вывод о том, что догоняющая модернизация теряет свою актуальность, в силу того, что сами модернизированные общественные системы Запада переживают системный кризис. Институты «социального государства», как и в целом модернизированные общества Запада, вступают в стадию трансформации. Возможности выработки и реализации антикризисной социальной политики, поддерживающей уровень благосостояния наиболее незащищенных слоев населения, о необходимости которой спорят с началом новой кризисной волны, ограничены не только бюджетом, но и неустойчивостью перед современными вызовами системы социального обеспечения в целом. Будучи реализованной по образцу социальных моделей Запада, система социального обеспечения и модель социальной политики в России устарели, не успев институционально оформиться, что достаточно убедительно и наглядно демонстрирует состояние накопительной пенсионной системы не только в России, но и за рубежом. Автор приходит к выводу о том, что в настоящих условиях перед российским государством и обществом еще открыт горизонт опережающего развития на основе территориального народнохозяйственного планирования, ориентированного на воссоздание индустриальной базы, но уже технотронного типа. Решение данной задачи невозможно без социальной модернизации, в результате которой социальная сфера перестанет расцениваться как сфера непроеизводительная, производная от национального дохода.

Ключевые слова: социальная сфера экономики, социальная модернизация, опережающее развитие

Одна из ключевых проблем социальной модернизации в современной России состоит в том, что институциональные реформы социальной сферы российской экономики идут в фарватере догоняющей модернизации, что на смене эпох заведомо обрекает эти реформы на неудачу. Вот только несколько аргументов и фактов из текущей действительности. Первый – это ситуация, которая сложилась на Западе со средним классом, этакой «священной коровой» западных модернизированных обществ. Наблюдаемая «диффузия» среднего класса свидетельствует не только об ухудшении экономической ситуации в целом, но и о вырождении социальных институтов, на которых основывалось модернизированное общество. «Фонд Бертельсмана (Bertelsmann-Stiftung) и Немецкий институт экономических исследований (DIW) пришли к выводу, что за последние 15 лет доля среднего класса в Германии снизилась с 65 до 58 %» [1]. Также применительно к России мы

наглядно наблюдаем ущербность стратегии догоняющей модернизации на примере пенсионной реформы. В условиях растущей рискогенности, свойственной современному капитализму, система материальной поддержки пожилого населения (к слову – базиса социальной системы современного общества) на основе рыночных институтов накопительного пенсионного обеспечения показывают весьма сомнительную эффективность.

Дэвид Стокман, директор по бюджету в администрации президента США Рейгана, высказывается на этот счет в крайне резкой форме: «Овцы выстроились в очередь, и эта очередь на резню. Я не понимаю, как поколение беби-бума, которое выходит сейчас на пенсию со скоростью 10000 человек в день, сможет пережить крах своих биржевых сбережений, а это ровно то, что ожидает их впереди. Поэтому я считаю это опасным, когда этот пузырь лопнет, его лохмотья ударят по эко-

номике простых людей. Этот крах будет больше, чем любой крах в истории» [2].

Накопительная пенсионная система теряет свою актуальность вместе с кризисом неолиберальной идеологии и замешанных на ее основе производственных отношениях. Применительно к России нефункциональность накопительной пенсионной системы обусловлена еще и спецификой национального хозяйства, как то:

- неразвитостью фондового рынка, что ограничивает инвестиционный инструментарий приращения пенсионных отчислений;

- консервативностью российского общества, которое обуславливает выбор большинства россиян в пользу государственного управления пенсионными накоплениями, что также блокирует развитие рыночных институтов пенсионного страхования;

- низким уровнем оплаты труда в России, обусловленным не столько соответствующей производительностью труда, сколько заинтересованностью в «дешевом» труде со стороны предпринимательского сообщества;

- несбалансированностью российской экономики, которая ограничивает возможности эффективных инвестиций пенсионных сбережений. По итогам 2014 г. доходность пенсионных накоплений, которыми управляет ВЭБ, составила 2,68 % при инфляции в 11,4 % [3], что наглядно показывает, что накопительная система при минимальных рисках не в состоянии предотвратить обесценивание пенсионных сбережений.

Из логики трансформации современного капитализма и специфики его российской модели следует единственно верный вывод о том, что догонять Запад бессмысленно. Необходимо выйти на альтернативную траекторию опережающей, а не догоняющей модернизации.

В условиях стагнирующей экономики, на первый взгляд, напрашивается выработка антикризисной социальной политики, поддерживающей уровень благосостояния наиболее незащищенных слоев населения. На практике, что наглядно показывает текущая ситуация в России, ее реализация блокируется бюджетными ограничениями и стагфляционными процессами. Альтернатива антикризисным социальным программам связана с институциональными реформами в социальной сфере национальной экономики. Таким образом, перед властями стоит дилемма: либо поддержание функциональности сложившейся системы социального обеспечения дополнительными государственными расходами либо ее структурно-институциональная модернизация. Первое эффективно, если система

социального обеспечения устойчива на фоне вызовов современности. Но если она устарела, подобно модели, что навязывалась российскому обществу на рубеже веков, то не стоит ждать и желаемого эффекта от антикризисных мер.

Однако проблема состоит в том, что экономистами социальный аспект, как правило, не рассматривается в контексте модернизации, так как представляется производным от решения задач технологической модернизации и трансформации экономических и политических институтов. Такую методологическую установку можно принять, если рассматривать социальную сферу как непродуцируемую, производную сферу экономики, что вполне соответствует представлениям прошлого века. Однако современные глобальные процессы выводят социальную сферу экономики на первый план.

Для того, чтобы выйти на траекторию опережающей модернизации, необходимо раскрыть содержание модернизационного процесса. Модернизированное общество подразумевает:

- *«развертывание процессов урбанизации, в корне меняющей образ жизни людей, делающей его более насыщенным и разнообразным и предоставляющей индивиду гораздо больше свободы в выборе моделей и форм поведения как в производственной, так и в досуговой сферах;*

- *изменение механизмов социального воспроизводства и контроля, замена «неписаного права» (традиции) как ведущего регулятора социальных отношений системой «писаного права» – законами, инструкциями и т. п.;*

- *формирование классовой модели социальной структуры, означающей смену характерных для доклассовых моделей структуры общества форм социального неравенства, основанных на принадлежности к определенному сословию или касте, и утверждение формального равенства всех перед законом;*

- *всевозрастающая дифференциация общества, плюрализация интересов различных социальных групп, умножение идентичностей и выполняемых индивидами социальных ролей с одновременной сменой социальных интеграторов;*

- *изменение характера межличностных отношений с усилением в нем функционально-ролевой составляющей;*

- *рост грамотности и среднего уровня образованности, что связано с изменением экономического базиса развития общества, а также ряд других процессов, отражающих переход к новому социетальному состоянию общества» [4].*

С нашей точки зрения, представленную характеристику необходимо дополнить двумя существ-

венными положениями о модернизированном обществе:

– *либерализация семейных отношений*, переход от традиционного патриархального типа воспроизводства к рациональному типу, обеспечивающему низкую рождаемость, но высокую продолжительность жизни;

– *ромбовидная имущественная дифференциация общества*, когда наряду с элитой и социальным дном, составляющими меньшинство, формируется средний класс, на потребности которого и ориентируется экономика.

Оттеснив традиционные ценности в мотивации человеческой деятельности на второй план, мотивы роста индивидуального благосостояния и личной свободы привели к несбалансированному росту потребностей в странах «золотого миллиарда» по формуле, выработанной в США еще в 20-е гг. прошлого века, «реклама плюс кредит – и процветание навсегда!». Как отмечают Т. М. Малева и Л. Н. Овчарова, социальная модернизация последней трети XX в. привела «к росту экономической активности населения, производительности труда и доходов, повышению продолжительности жизни и ужесточению требований к профессионально-квалификационному уровню работников, но одновременно и к росту неравенства конкурирующих субъектов. Чтобы соответствовать новым требованиям и стандартам, семьи отказались от большого числа детей и делегировали государству и рынкам ряд полномочий по воспитанию детей и обеспечению пожилых. При этом молодые люди отодвинули время создания семьи на более поздний период и поддержали процессы либерализации семейных отношений» [5].

Именно таким в России привыкли представлять себе развитой Запад, модернизированное общество. С этой точки зрения в современной России существует множество маркеров, указывающих на незавершенность модернизации не только в технологической, но и в социальной сфере. Однако, для начала следует понять, насколько актуальна для России модернизационная парадигма, присущая индустриальному обществу, в условиях, когда капиталистическая система, достигнув своей пиковой, критической формы самореализации как глобального капитализма, находится в состоянии трансформации, описать которую возможно лишь в категориях футурологии.

На то, что современный глобальный капитализм знаменует собой конец эпохи Модерна, указывают многие тенденции и явления. Как верно отметил Ю. В. Веселов «общество модерна – это общество, постоянно втягивающее в свою орбиту традиционные общества, без этого оно существо-

вать не может. Но как только все некапиталистическое окружение становится капиталистическим, встают проблемы на пути существования всей системы модерна в целом» [6].

Социальная модернизация 60-70-х гг. XX в. завершила развитие общества Модерна построением государства всеобщего благоденствия («welfare state») и одновременно ознаменовала трансформацию капитализма в глобальный капитализм как *переходную* стадию от Модерна к Постмодерну.

Решение любой серьезной проблемы социально-экономического развития в контексте глобальных процессов вызывает сложности с категориальной точки зрения в силу нечеткости понятийного аппарата и одновременного применения к современной действительности различных категорий. Так, если 10-15 лет назад о содержании понятия «постиндустриализм» рассуждали вполне определенно, то в настоящее время постиндустриальную экономику вполне определенно можно трактовать только с точки зрения развития производительных сил как технотронную экономику. В остальном же характеристики постиндустриальной эпохи в той или иной мере размыты.

Само понятие «постмодерн» не имеет позитивного определения. С одной стороны, данная эпоха рассматривается с точки зрения роста культурного и социального многообразия, замещения материальных ориентиров развития культурными, возрастания вторичных, высших потребностей и формирования нерыночных стимулов и мотивов человеческой деятельности, ориентирующих его на творчество и создающих условия для преодоления отчуждения от результатов труда, что закладывает потенциал перехода к новой, прогрессивной реальности.

С другой стороны, «современный» капитализм создает, прежде всего, не материальные, а знаковые, или символические ценности, за которыми стоит фиктивный, спекулятивный по своей природе капитал. Его экспансия ведет к тотальной приватизации науки, искусства, политики и коммерциализации социальной сферы экономики. В результате «экономика вновь стала статусной и зависимой от внеэкономических иерархий, что совершенно нарушает принципы Модерна и Просвещения – справедливость конкуренции, развитие для всех, образование для всех, прогресс для всех. Универсалии Просвещения и рыночной экономики подменяются иерархией кастового типа, основанной на перераспределении доходов...» [7].

С одной стороны, развитие экономики знаний или когнитивного капитализма способствовало то-

му, что явные и неявные знания стали неограниченным источником роста индивидуального благосостояния и личной свободы. Общественное разделение труда на современном этапе определяется инвестициями в человеческий капитал и социальные факторы, обуславливающие его воспроизводство.

С другой стороны, рентная природа «современного» капитализма в единстве с новой шкалой ценностей способствуют образованию дивергентных форм человеческого капитала, в числе которых Т. В. Касаева и Ф. А. Назаров выделяют иррациональный человеческий капитал (инвестиции в человеческий капитал не окупают себя в силу несбалансированности рынка труда, структурной и технологической отсталости экономики); фиктивный человеческий капитал (несоответствие номинального образования реальным компетенциям носителя); псевдокапитал (его носители не обладают высоким уровнем образования, но в силу отраслевых диспропорций получают доходы, превышающие отдачу от инвестиций в образование); невоспроизводимый человеческий капитал (не воспроизводится в новом поколении обеспечивающего по причине сознательной бездетности среди лиц с высоким уровнем образования) [8].

С одной стороны, современное общество все чаще обращается к нерациональной, а эмоциональной, чувственной стороне своей природы, наблюдаются многочисленные примеры отхода от принципов чистой экономической целесообразности. С другой стороны, капитализм достиг такой стадии, когда товарный фетишизм принял форму «брендрелигии», когда «она (буржуазия) смогла превратить товар в эмоциональную и нравственную ценность, а эмоциональную и нравственную ценность – в товар» [9].

Говоря о необходимости модернизации в России, следует понимать, что мы «отстаем» от социально-экономических моделей, которые сами переживают системный кризис и находятся в состоянии бифуркации. В этих условиях перед догоняющими странами открываются определенные перспективы нелинейного развития, и есть достаточно оснований предполагать, что при определенном целеполагании социальная сфера станет одним из внутренних «локомотивов» территориального развития, на который будет ориентирована новая технологическая революция, а также экономическим драйвером социальной модернизации. Говоря об исторических альтернативах, М. А. Румянцев отмечает, что экономические цели личности должны быть «... «вложены» в ткань внеэкономических ценностей общества, воспро-

изводящих жизнь человека во всей полноте и многообразии» [7, с. 23].

Говоря о механизме модернизации, важно понимать, что российское общество не просто консервативно, его наиболее устойчивой ментальной чертой был и остается патернализм. Патернализм советского типа в какой-то степени продолжил традицию досоветского периода, лишь еще более перераспределяя патерналистскую ориентацию от общины к государству. Советское государство закрепило не в одном поколении российского общества восприятие патерналистских отношений «как единственно возможных» [10].

Патернализм, как доминирующая поведенческая конструкция обуславливает инертность, невосприимчивость российского общества к институциональным инновациям. Реформы показали, что создания макроэкономических условий и общих «правил игры» в надежде на широкую инициативу «снизу» просто недостаточно. Все акторы так или иначе уже проявили себя в бизнесе и политике и переписали «правила игры» под свои групповые интересы, при этом максимально блокируя вертикальную мобильность социума и «ненужные» институты государственной власти и самоуправления. Социально-политические инициативы, подобные Общероссийскому Народному Фронту слабы, и, как и многие другие, стоят перед угрозой быть выхолащенными местными властями. Ограниченная самостоятельность и ответственность общества перед самим собой как первый постулат российского патернализма требует от российского государства не просто модернизации «сверху», а социального инжиниринга, который не оставлял бы отдельным индивидам и социальным стратам выбора. Это должен быть проект, по своим масштабам сопоставимый с масштабами социальной модернизации советского периода, который работал бы на опережающее развитие в рамках новой промышленной революции.

В силу второго постулата российского патернализма о доминанте моральных оценок подобный проект государство в состоянии осуществить только в случае достижения социального консенсуса по вопросам справедливости и эффективности модернизации. К слову говоря, на ключевое значение важности отсутствия морально-этического должествования в пробуксовке модернизационных инициатив государства в современной России обращают внимание большинство экспертов. Так, Ю. Ю. Антропова отмечает следующее: «...главная проблема современного этапа модернизации заключается в размытости ее идеологии. На сегодняшний день мы видим попытки модернизации существ-

вующей ресурсной модели экономики и связанной с ней социальной сферы, не предполагающих изменение ценностных ориентиров. Таким образом, данный тип модернизации всегда будет догоняющим с перспективой стать отстающим» [11].

Таким образом, в настоящих условиях перед российским государством и обществом еще открыт горизонт опережающего развития на основе территориального народохозяйственного планирования, ориентированного на воссоздание индустриальной базы на технотронной основе. Решение данной задачи невозможно без социальной модернизации, в результате которой социальная сфера перестанет рассматриваться как непродуцирующая сфера, производная от национального дохода.

Литература

1. URL: <http://voprosik.net/srednij-klass-na-zapade-demontiruyut/>
2. URL: <http://aftershock.news/?q=node%2F369711>
3. URL: <https://news.mail.ru/economics/24784662/?frommail=10>
4. Тихонова Н. Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 113-114.
5. Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // SPERO. № 10. Весна-лето 2009. С. 14.
6. Веселов Ю. В. Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 77.
7. Румянцев М. А. Политэкономика позднего капитализма: пределы развития и девиантные тенденции // Вопросы политической экономики. 2015. № 2. С. 18.
8. Касаева Т. В., Назаров Ф. А. Индивидуальный человеческий капитал: причины и формы эрозии // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2014. № 2. С. 44-46.
9. Ефремов О. А. Товарный фетишизм эпохи постмодерна: к вопросу о природе «нового» капитализма // Философия и общество. Апрель-июль 2012. № 2. С. 87.
10. Лапыгин Ю. Н., Эйдельман Я. Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996. С. 92.
11. Антропова Ю. Ю. Социальная модернизация в России: ограничения и возможности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 82-83.

References

1. URL: <http://voprosik.net/srednij-klass-na-zapade-demontiruyut/>
2. URL: <http://aftershock.news/?q=node%2F369711>
3. URL: <https://news.mail.ru/economics/24784662/?frommail=10>
4. Tikhonova N. E. Sotsial'naya modernizatsiya i perspektivy kul'turnoj dinamiki v Rossii [Social modernization and prospects of cultural dynamics in Russia] // Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik-2011 / otv. red. akademik RAN M. K. Gorshkov. – Vyp. 10. M.; SPb.: Institut sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya, 2011. S. 113-114.
5. Maleva T. M., Ovcharova L. N. Sotsial'naya modernizatsiya v Rossii: teoriya, istoriya, vyzovy [Social modernization in Russia: theory, history, challenges] // SPERO. № 10. Vesna-letno 2009. S. 14.
6. Veselov Yu. V. Ekonomicheskaya sotsiologiya postmoderna [Economic sociology of postmodern] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 1998. T. 1. № 1. S. 77.
7. Rumyantsev M. A. Politekonomiya pozdnego kapitalizma: predely razvitiya i deviantnye tendentsii [Political economy of late capitalism: limits of development and deviant tendencies] // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2015. № 2. S. 18.
8. Kasaeva T. V., Nazarov F. A. Individual'nyj che-lovecheskij kapital: prichiny i formy erozii [Individual human capital: reasons and forms of erosion] // Sotsial'no-ekonomicheskije yavleniya i protsessy. 2014. № 2. S. 44-46.
9. Efremov O. A. Tovarnyj fetishizm epokhi postmoderna: k voprosu o prirode «novogo» kapitalizma [Commodity fetishism of postmodern era: to the issue about the nature of «new» capitalism] // Filosofiya i obshchestvo. № 2. Aprel' – iyul' 2012. S. 87.
10. Lapygin Yu. N., Ejdel'man Ya. L. Motivatsiya ekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh rossijskoj reform [Motivation of economic activity in the conditions of the Russian reform]. M.: Nauka, 1996. C. 92.
11. Antropova Yu. Yu. Sotsial'naya modernizatsiya v Rossii: ogranicheniya i vozmozhnosti [Social modernization in Russia: restrictions and opportunities] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 18 (272). Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 25. S.82-83.

* * *

**SOCIAL MODERNIZATION AS THEORETICAL
KERNEL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA**

BORISOV NIKOLAY ALEKSEEVICH

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering,

Voronezh, the Russian Federation, e-mail: bna@vgasu.vrn.ru

The present article considered problems of social modernization in the context of global social and economic changes. according to the author the only true conclusion that the catching-up modernization loses the relevance, owing to the fact that the modernized public systems of the West are in system crisis follows from the analysis of content of social modernization within development of society of a modernist style, and also character of current social and economic trends, both in the social sphere of economy, and in wider context of transformation of social and economic system of capitalism. Institutes of «the social state» enter a transformation stage as well as in general the modernized societies of the West. Not only the budget limit possibilities of development and realization of the anti-recessionary social policy supporting welfare of the most unprotected segments of the population on which need argue with the beginning of a new crisis wave, but also instability before modern calls of social security system in general. Being realized on a sample of social models of the West, the social security system and model of social policy in Russia have become outdated, without having managed to be registered institutionally that rather convincingly and clearly demonstrates a condition of a funded pension system, not only in Russia, but also abroad. The author came to a conclusion that in the real conditions in front of the Russian State and society the horizon of the advancing development on the basis of the territorial economic planning focused on a reconstruction of industrial base, but already technotronic type is still open. The solution of this task is impossible without social modernization as a result of which the social sphere will cease to be regarded as the sphere unproductive, derivative of the national income.

Key words: social sphere of economy, social modernization, advancing development